

ПАМЯТЬ

Среди писателей-фронтовиков, самоустранившихся от общения с прессой или властью, Владимир Осипович Богомолов, бывший разведчик, слыл наиболее закрытым. На девятый день кончины Владимира Богомолова о нем вспоминает один из его близких друзей — писатель Борис ВАСИЛЬЕВ.

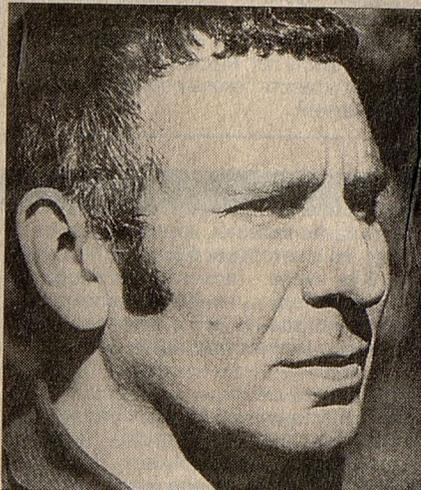
— Случайных людей он на пушечный выстрел к себе не подпускал. Я-то с ним познакомился через нашего общего друга Василя Быкова в 1975 году, во время празднования тридцатилетия Победы. Васильев тогда приехал в Москву из Белоруссии, мы встретились, и он предложил: “А поехали-ка к Володе Богомолову! Он редкий писатель и очень хороший мужик!” Ну, поехали. Поначалу Владимир меня принял очень настороженно. Но, когда мы с Василем стали поперебой вспоминать смешные эпизоды из наших военных будней, он как-то оттаял, улыбнулся даже...

— Почему “даже”?

— Сложный был человек. Суровый. Если мы и собирались когда, то только у него: сам-то он никуда не выходил, не выезжал из своей берлоги. Жил на квартире отдельно от семьи. При наших встречах сам готовил гигантскую яичницу, ухаживал...

— Выпивали?

— Мы с Василем — да, Володя был очень гостеприимен — поставит всякие угощения, напитки... Но ни к водке, ни к вину сам никогда не притрагивался. Нельзя

БОГОМОЛОВ УМЕР, ВОЙНА ОСТАЛАСЬ

Борис Васильев: “Он по десять раз переписывал даже то, что уже было издано”

ему было. После тяжелейшего ранения (из-за которого, кстати, его сразу списали) голова у него часто болела. А после выпивки так и вовсе давили спазмы...

— Сам он что-то рассказывал?

— Нет. Только нас слушал. Мы-то — пехота, с нашими шутками-прибаутками, а Володя — разведчик ГРУ, работал на Западной Украине по делу об уничтожении банды бандеровцев. Это их дела, какие там могут быть рассказы...

В 70–80-е годы к Владимиру Богомолову трижды обращались с “Мосфильма”, пытались получить разреше-

ние на экранизацию его повести “В августе сорок четвертого” (другое название — “Момент истины”). Безрезультатно. Трижды получали отказ.

— Володя не любил экранизаций. Говорил: читайте книгу, она в данном случае — первоисточник. К чему заниматься глупостями, к чему переделывать книгу в фильм? Он не сможет передать того, что следует передать...

— Но год назад фильм по “Моменту истины”, с Евгением Мироновым в главной роли, все-таки был снят...

— Уж не знаю, как это вышло. В свое

время исключение составил Володин рассказ “Иван” — по нему Андрей Тарковский снял один из своих первых фильмов “Иваново детство”. Да и то, я думаю, Богомолов согласился только потому, что это был Тарковский, а не кто другой.

— Такую же недоверчивость Владимира Осиповича питал и к журналистам?

— Из-за газетчиков у нас с ним вообще как-то раз ссора крупная вышла. Позвонил мне человек, представился корреспондентом одной центральной газеты и попросил домашний телефон Богомолова. Ну, я дал. А потом мне вдруг звонит сам Богомолов, кричит: как так, он мне доверяет, а я раздаю направо-налево его телефоны!.. Вот и поссорились. Месяц не разговаривали. Но потом он первый пригласил меня в гости, сказал: “Что не заезжаешь?” — “Так ты же сам, Володь, меня обложил...” — “Ладно, забыли...”

Вообще он был редкий человек. Вы не представляете, как он ответственно подходил к каждому своему произведению, хотя написал их так мало. По десять раз переписывал даже то, что уже было издано! Представляете? Я раздражался, глядя на это, говорил: “Володь, зачем?” Нет, для него это было очень важно. А кабинет его — это целый архив, куча папок лежит буквально стопками по всем фронтам, а то и по отдельным армиям. Главное, чтобы этот бесценный архив никуда не пропал! Он был крупный писатель, недооцененный до сих пор...

Ян СМЕРНИЦКИЙ.

Моск. Комсомолец - 2004 - 2 окт. - с. 4

Богомолов Владимир
Осипович
Иванов Иван - прозаик

2014